

Глава 5. Индоктринация

1. Политико-воспитательная работа

Принудительное политическое просвещение в лагерях для военнопленных было «частью общественных отношений порабощения и контроля» [Бодрийяр: 68], которые мы видим в лагерях ГУПВИ. Во всех лагерях создавались политотделы, которые «являлись в области партийно-политической работы руководящими партийными органами ВКП(б) в системе лагерей МВД для военнопленных <...> и несли полную ответственность за воспитание личного состава лагерей в духе беззаветной преданности партии Ленина — Сталина и социалистической Родине — Союзу Советских Социалистических Республик» [Военнопленные: 304]. За годы нахождения в СССР власти старались сделать все для того, чтобы «привить» пленным японцам коммунистические идеи, а затем с помощью бывших военнопленных осуществлять коммунистическую пропаганду в Японии [Карасев 2007: 37].

Особенно усердно индоктринация проводилась среди немецких военнопленных, для того, чтобы нейтрализовать остатки нацистской идеологии и, главное, чтобы вырастить лояльные СССР кадры для управления недавно созданной ГДР, где кадровый вопрос был острым. С военнопленными из других стран также проводилась большая работа, но все же без такой конкретной перспективы.

Политическая работа среди военнопленных японцев ставила целью идеологическое перевоспитание бывших солдат враждебной армии, своего рода перековку. Многие были вынуждены участвовать в так называемом демократическом движении, главной целью которого было создание мотивации для работы по восстановлению народного хозяйства в СССР, ведь «основной экономической силой советского общества была собственно идеологическая сила, которая окружала себя институтами более или менее прямого насилия» [Рыклин: 206]. Бесплатный принудительный труд нуждался в постоянном самооправдании, в перманентном сочинении мотивов, и уже труд измеряется моральными категориями, а категории измеряются почти исключительно трудом [Добренко: 259–260]. Труд становился «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Была и вторая цель — воспитание актива будущей коммунистической партии Японии. Военнопленные практически не были знакомы с марксизмом, так как

в Японии КПЯ была вне закона, с начала 1930-х гг. находилась в подполье и была легализована в декабре 1945 г., когда пленные были уже в СССР.

Актив. В каждом лагере работал общественный актив. Одним из первых заявило о себе общество «Томонокай», которое было организовано в Читинской области в 1946 г. В разных лагерях стали появляться подобные группы демократического актива: «Сторонники демократической Японии», «Демократическая лига», «Анти-милитаристская группа», «Солдатский комитет» [Главное: 692]. Называясь по-разному, они отражали «демократическое движение», действовавшее под патронажем лагерной администрации. Она всячески стимулировала процесс индоктринации, который включал такие виды деятельности, как общие собрания, митинги, лекции, доклады, групповые читки газеты, индивидуальные беседы, политинформации, вечера самодеятельности, киносеансы.

Эти мероприятия проводилась в специально оборудованных помещениях, красных комнатах или красных уголках. Как видно из альбомов отзывов, в таких комнатах и клубах висят портреты Сталина и Ленина, биографии советских вождей, портреты японских коммунистов [Ф. 4/я. Оп. 30я. Д. 13. Л. 22 об.].

Всех активистов можно поделить на три группы: «антифашистский актив», те, кто прослушали лагерные курсы, и те, кто обучались на курсах при политотделах. Последняя, самая подготовленная группа насчитывала 21 137 человек: столько японских военнопленных закончили курсы демократического движения за 1947–1949 гг. [Карнер: 122, Катасонова: 92].

В лагере № 21 в штате администрации были выделены десять человек для антифашистской работы. В целях усиления демократического движения были открыты специальные курсы по подготовке антифашистов с отрывом от производства. В Хабаровске, который был своего рода «кузницей кадров» в Сибири и на Дальнем Востоке, были организованы курсы «Демократическая школа», «Молодежная школа» и «Политическая школа». Аналогичные структуры были открыты практически во всех крупных городах. Наиболее способные и проверенные активисты направлялись в Хабаровск и в Московскую школу идеологической подготовки [Катасонова: 92].

Какие задачи ставили перед собой члены низовых организаций? Как видим из документа:

Наше «Общее исследовательское общество» до сих пор было бессильно в мобилизации народных масс. Активно занимались общественной деятельностью только члены общества. Это объясняется тем, что лекторы не имели достаточного опыта, читали лекции без подготовки. Мы начинаем свою работу под лозунгом «Все члены общества должны быть активными». Наши задачи:

1. Переорганизовать бригады,¹³ сделать их небольшими, чтобы члены каждой бригады имели своего руководителя, работающего с индивидуальным подходом.

2. Создать единую учебную сеть бригадиров и побудить всех членов быть активными, объединяясь одной задачей, и тогда вовлекутся в работу те, кто раньше был пассивным [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 162. Л. 30].

13 Обычно бригады имели производственное значение, в этом документе речь идет об идеологических бригадах.

Лагерный актив организовывал кружки, проводил семинары, общие собрания в отделениях, любительские спектакли и просмотры советских кинофильмов. Как докладывал 24 мая 1950 г. руководитель МВД С.Н. Круглов, интерес основной массы военнопленных японцев к Советскому Союзу, к жизни советских людей был значительно выше, чем у военнопленных других национальностей [Военнопленные: 918].

В нашем лагере с марта месяца 1947 г. усиленно начало развиваться демократическое движение среди военнопленных. Мы смотрели на советских людей как на тружеников, которые, не жалея сил, работали по восстановлению и развитию народного хозяйства после Второй мировой войны.

Поэтому и у нас появилось желание работать так, как русские. Мы выходили на работу с песнями, а демократические бригады — с Красным знаменем как символом нашей дружбы и труда [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 5 об.].

Лагерный актив получал привилегии, между ним и остальными военнопленными создавалась дистанция.

Активистов можно определить по одежде. У них летная форма с сапогами или офицерские шапки РККА. Мой старший друг О. в Находке вошел в актив и видит японских солдат, которые возвращаются на родину. Но ему нельзя с ними здороваться [Саго: 44].

Выражение «контрэлемент» встречается почти у всех авторов, видимо, оно прочно вошло в лагерную лексику, навязанную администрацией и освоенную пленными, потому что *контра*, *контрик* или *контрэлемент* — это «почти приговор». Как свидетельствует К. Като,

действительно встречались пленные, которых можно было назвать «контрой», это были преимущественно высшие офицеры или бывшие полицейские чины. Они отказывались работать, поскольку знали, что согласно международным правилам офицеры имеют на это право [Като: 53].

Мы организовали комитет борьбы с фашизмом. Составили список членов и кандидатов, провели выборы. Выбрали руководителем кухонного работника сержанта У., так как он давал взятки. Но управление лагеря приказало ему отказаться от участия. Стали читать больше лекций. Актив ходит и проверяет. Если не слушаешь и просто отдыхаешь, заставляют слушать. Но когда актив уходит, то все опять ложатся [Ооути: 111].

Началось организованное воспитание, открылась вечерняя школа. Мы читали «Вопросы ленинизма» и «Краткую историю ВКП(б)» [Ооути: 115].

Уэцухара рисует упитанного советского офицера с толстой книгой в красной обложке с подписью под рисунком: *На все запросы есть только одна книга — Краткий курс истории ВКП(б)* [Уэцухара «Хо» (2)] (рис. 29). Выбор как таковой отсутствует — одна идеология, одна правда, одна газета, одна баланда — вот

лагерная пайка не только в столовой, но и в библиотеке. Отсутствие выбора — это характерная черта лагерной жизни как концентрированного выражения тотального института.

Конечно, посещать политические занятия, слушать лекции по политэкономии, истории ВКП(б) было легче, чем вкалывать по 14 часов, выполняя норму из последних сил. Это привлекало людей, а там они втягивались в риторику и стиль мышления на основе классового подхода, тем более что идеи левого проекта казались привлекательнее японской милитаристской идеологии. Однако не стоит забывать рассуждения Б. Беттельхейма о регрессии узников нацистских лагерей, вызванной недостатком личной свободы, которая часто выражалась в инфантильном поведении, в том, что узники подражали стражам, разделяли их гнев в адрес нарушающих пра-

вила заключённых, даже вышивали свастики на своих робах [Bettelheim В. Individual and Mass Behavior in Extreme Situations // Journal of Abnormal Social Psychology. October 1943. P. 417–452. Цит. по: Трубина: 191]. Возможно, подобная регрессия имела место и у военнопленных, желающих стать активистами.

Начинается первая политическая школа. Поступают в эту школу два–три человека из каждого барака. В течение трех месяцев их обучают как будущих политических руководителей. В это время они не работали [Ооути: 121].

Услышав о статье о проблемах японских пленных в газете «Правда», мы попросили у начальника газету, нашли всем понятные слова, например, *военнопленные, японские, домой*, и обрадовались. Начинается производственное соревнование. Бригаде, которая выполнит норму, вручали Красное знамя [Ооути: 122].

Демократическая фразеология уже забила уши, — считает Уэцухара, показывая, как надо прочищать уши от «красного мусора»: *когда прислушаешься, слышишь много советской лжи* [Уэцухара «Ки» (2)] (рис. 30).

Стали чаще показывать революционные спектакли и активнее агитировали нас. Мы стали ходить на работу с революционными песнями, высоко поднимая Красное знамя молодежного актива и ударников. Нам говорили, что это влияет на демократическое движение в Японии. Обещали нас скоро отпустить. Многие боялись, что его посчитают реакционером и не отпустят домой [Ооути: 134].

Выполнение нормы повысили в среднем до 160%. Утром и вечером по дороге на работу и обратно играла музыка. Мы громко пели революционные и рабочие песни. Даже в пятиминутных перерывах проводят политическую работу. В каждой группе есть актив [Ооути: 150].

Увлечение демократическими идеями, кроме страха быть вычеркнутыми из списка на репатриацию, видимо, дополнялось и другим фактором, что также подметил в свое время Б. Беттельхейм: заключенные были настолько лишены подлинной самостоятельности и самоуважения, что стремились к ним всеми возможными спо-

собами. Сила и влияние — сила любой ценой и влияние все равно для каких целей — были в высшей степени привлекательны в условиях, целиком направленных на выхолащивание индивидуальности [Беттельхейм: сайт].

Индоктринация пленных была обязательной в каждом лагере. В практике общественной работы в СССР самые главные показатели успешной работы — это отчеты.

Показателен отчет о проведенной работе в лагере № 22 в г. Оха-на-Сахалине за 1946 г. Проведено:

- лекции и доклады — 153,
- индивидуальные беседы — 70 с охватом 110 чел.,
- производственные совещания с бригадами — 54,
- политинформации — 160 с охватом 64 тыс. чел.,
- собрания — 42,
- выпущено стенгазет — 173,
- выпущено художественно-литературных журналов — 6,
- проведено концертов — 18 с охватом 4800 чел.,
- просмотрено киносеансов — 86,
- направлено писем на родину — 1993 [Кузьмина: 83].

В каждом лагере работали кружки по изучению истории ВКП(б) и по теории марксизма. Самый распространенный сюжет агитационной фотографии — пленные, читающие книги или газеты. Как было обещано, репатриировали в первую очередь «демократически подкованных», и это стало стимулом для остальных, желающих скорее вернуться домой. На диаграмме «Рост демократических групп» за первые восемь месяцев 1947 г. видно, как от 311 человек в январе число участников выросло до 2115 к августу и график четко указывает скачки в количестве первой, второй и третьей очереди на репатриацию [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 3].

Идеологическое сопровождение не отпускало пленников вплоть до их посадки на корабль в порту Находка. В каждом эшелоне, что направлялся в Находку, был оборудован агитационный вагон, снабженный политической литературой, настольными играми, музыкальными инструментами, и сами эшелоны были оформлены плакатами, транспарантами, портретами политических деятелей. Были определены и формы работы в пути — политические информации, групповые и индивидуальные беседы, читка газет и журналов, выпуск стенгазет. Также заранее был подготовлен демократический актив [Главное: 930].

На карте «Н» (2) мы видим надпись на транспаранте «Сталин» и комментарии автора: *Нелепость в кружке друзей демократии*. Спустя годы Ё. Уэцухара смог открыто высказать свое отношение к человеку, который несет ответственность за само пленение, годы жестокой эксплуатации и десятки тысяч загубленных жизней японских пленных. Но чтобы принять культ коммунистических лидеров, надо было покончить с культом императорской власти.

Против императора. Одним из направлений в демократическом перевоспитании было стремление развенчать образ императора. «Все японцы служили государству и императорской Японии. Само понятие государства считалось священным. Оно было превыше всего, само государство и его концентрированное воплощение — император — были объектом почитания» [Мещеряков 2013: 165]. В сентябре 1945 г., несмотря на недавнее пленение, некоторые военные части на Южном Сахалине

продолжали жить по своему распорядку, и военнопленные каждое утро начинали день с линейки, на которой солдаты кланялись в сторону императорского дворца, как видим на рисунке Ё. Ватанабэ. *Вечером и утром выстраивались на присягу. Вначале кланялись в сторону дворца императора, потом на свой дом, а я кланялся в другую сторону* [Ватанабэ: 35]. Если дома родителей большей части солдат находились к югу, то родители Ватанабэ жили на Сахалине, но к северу от того лагеря, где он находился.

В итоге долгосрочного «промывания мозгов» отношение к императору стало меняться, и для многих пленных, особенно молодых, его образ перестал быть сакральным. Так, в лагере № 5 (Хабаровский край) во время анкетирования были заданы следующие вопросы:

1. Нужен ли в Японии император? За императора высказались 64 чел., против — 514 чел., воздержались 58 чел.
2. Считаете ли Вы японского императора военным преступником или нет? «Да, японский император является первым военным преступником» — ответили 519 чел., нет — 109 чел., воздержались 8 чел. [Главное: 692].

В лагере № 20 в анкетировании участвовали 519 чел. На вопрос «Ваше отношение к императору» ответы распределились следующим образом: за свержение императора высказались 253 чел., за оставление императора — 117 чел., воздержались 149 чел. [Главное: 693].

На карте «Тэ» (2) Ё. Уэцухара нарисовал, как огромного роста и силы военнопленный взял одной левой рукой за горло самого императора, да так, что с него слетел головной убор (рис. 31). Император показан невысоким тщедушным мужчиной с тонкими ногами. Несмотря на военный мундир, он выглядит слабым, безвольным и беспомощным. Его мундир кажется почти карнавальным, детским, сабля кажется игрушечной. Парад-

ный головной убор готов упасть с головы императора. Левая рука великана вот-вот придушит императора, а правая рука сжата в кулак и угрожающе нависла над головой. Рисунок с карикатурным образом императорской персоны — это новый для пленников критический взгляд на фигуру императора, до августа 1945 г. сакральную [Уэцухара «Тэ» (2)].

Подпись под рисунком: красный дайкон кричит: долой власть императора! У красного дайкона (редьки) только кожура красного цвета, а внутри он белый. В данном случае это метафора лицемерных людей, готовых говорить то, что выгодно сию минуту. Мы видим на втором плане человека, который также одет в военную форму рядового и очень доволен тем, как простодушный великан расправляется с императором. Похоже, он один из активистов.

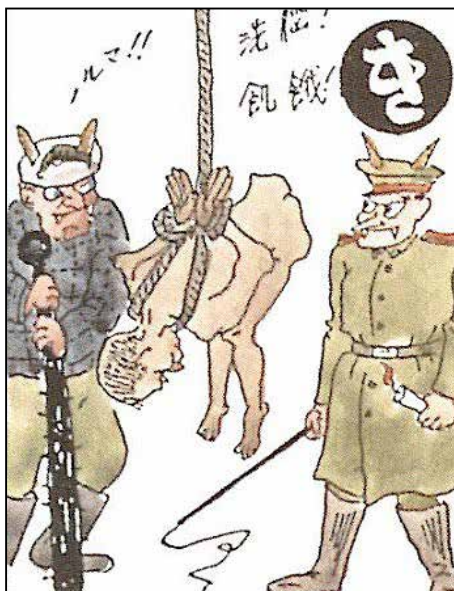
Такасуги вспоминал, как лейтенант Тарасов с издевкой называл его «микадо» или «фашист» [Такасуги Ч. 1: 81].

Многие художники запомнили критику образа Хирохито и зафиксировали такого рода акции в своих воспоминаниях.

Когда я вернулся в барак, увидел плакат: убей Хирохито! Я ничего не знал о политических настроениях и был озадачен [Ооути: 104].

На кирпичном заводе повесили мой лозунг *Уважение императору*. — *Наши противники контрэлемнты. Я знаю его контрреволюционные высказывания. Вы согласны с коммунизмом? — У меня нет образования. Но император сделал меня унтер-офицером и я решил отдать императору свою жизнь. Конечно, Япония проиграла войну, но император еще жив. Я не могу нарушить свою клятву. Вы все — умные, вы разбираетесь в материализме и диалектике. Но я — глупый, я совсем не понимаю. Как начну разбираться, сразу вступлю в компартию* [Ватанабэ: 308].

Оппозиция активу. Идеологическая обработка военнопленных шла полным ходом. Пропагандистская ложь, вынужденное единомыслие и невозможность публичного сомнения, а также тотальный контроль за поведением всех пленных, за их реакциями, за словами и выражениями лиц, за письмами домой и из дома — все это вместе с голодом и необходимостью тяжелого физического труда воспринималось как три лагерных зла.

Промывание мозгов, голод и норма — написано на рис. 32. В центре рисунка — подвешенный голый пленный, справа и слева от которого стоят черти: один, в форме советского офицера, с плетью в правой руке. А что у него в левой руке? Какой-то документ, может быть, приказ из Москвы, может, и списки на репатриацию, а может, и донос? Слева второй черт, похоже, пленный, из демократического актива, который обеими руками держит дубинку. У чертей — злое, агрессивное выражение лица, но видна их иерархия — тот, что в форме офицера, очевидно, имеет более высокий статус, он лучше одет, и в выражении лица черта-пленного читается не только угроза висящему, но и страх перед тем, кто с плетью. Висящий пленник выражает свое отношение к черту в военной форме своим голым задом, оказавшимся на уровне лица черта. Рисунок подписан: *слышали о Сибири одно, и совсем другой ад нашли по приезде* [Уэчухара «Ки» (1)].

Однако поверить в идеалы советской системы было непросто, так как ежедневное наблюдение советской жизни невольно заставляло сомневаться в бесспорном превосходстве социализма. Доверчивые молодые военнопленные легче верили красивым теориям марксизма-ленинизма, люди постарше сравнивали красивые фразы с жизнью, что была по ту сторону колючей проволоки. Как писал о настроениях среди австрийских военнопленных Стефан Карнер, разлад между теорией и практикой был очевиден, но эти противоречия приходилось осмысливать про себя, и никто не мог позволить себе высказать свои мысли и чувства окружающим, своим товарищам [Карнер: 120]. Ложь о жизни в СССР, противоречившая тому, что видели военнопленные сами, раздражала.

Все больше ругаем Советский Союз. Например, с иронией называем советских детей сильными, потому что как-то активист, увидев ребенка без обуви, сказал нам, что советские дети такие сильные и крепкие, что обувь им не нужна [Ооути: 141].

Видя такое нежелание называть вещи своими именами, пленные в свою очередь стали использовать прием ироничного преувеличения. Например, «говорили, что советские собаки испражняются золотом. Эта ирония — против чрезмерного восхваления Советского Союза» [Ооути: 141].

Мы тоже не любим молодых демократов. Нам кажется, они стали слишком заносчивыми для своего возраста. Мы написали на стене *Уважение императору*. Но кто-то из демократов донес советским офицерам. После этого мы начали контрреволюционное движение [Ватанабэ: 308].

Лагерная жизнь заставляла пленных учиться выражать свои жизненные интересы в противовес активу. Моринари Ооути рассказывает, как они решили предложить свои правила лагерной жизни.

Мы решили, что сами будем решать, как жить и работать в лагере.

1. Мы составим комитет, но он должен работать для нас, а не для СССР.
2. Наша главная цель — возвращение домой.
3. Мы не будем работать больше 101%. Будем беречь свои силы.
4. Нельзя навязывать политическое воспитание, только по желанию.

Мы написали просьбу о возвращении по правилам плена и организовали комитет ускорения *домой*. Этот комитет отнес просьбу в отдел ГУПВИ г. Оха, но их не приняли. Тех, кто отнес это письмо, отправили в карцер. Красное знамя убрали на склад. Актив перестал работать, и некоторые из них даже стали ругать СССР [Ооути: 139].

Усилилось «демократическое движение». Из других лагерей в наш лагерь приехали молодые офицеры. Они занимались пропагандой и хотели сместить нашего бригадира. Тогда у нас демократов мало было. Но Танигути и большинство наших солдат разозлились, и впервые демократизм у нас не прошел. Прогнали молодых офицеров-пропагандистов. Несколько демократов повесили стенгазету. Ее порвали [Ватанабэ: 292].

Мы, 600 человек, были самыми некоммунистическими в 14-м отделении. Нас собрали для промывания мозгов. Сначала пленные 22–23 лет, которые в Японии были студентами, занимались пропагандой. Каждый день после ужина они проводили собрания, и молодые солдаты и те, кто хотел сохранить статус, участвовали в них. Но пленные постарше, кому было за 30, не хотели участвовать. У нас было только три желания: есть, спать и *домой*. Поэтому мы не могли понять брошюру о материализме и диалектике. Вначале демократы искали ошибки в поведении офицеров и обвиняли их, чтобы лишить статуса. Потом лишили статуса тех, кто вначале активно поддерживал, но не смог доказать свою правоту во внутренней борьбе среди демократов. Эта борьба мне кажется некрасивой.

Наверное, они хотят получить легкую работу с помощью демократического движения. Вы понимаете, почему наша родина — Москва? Мы — пролетарии, нам надо воевать с красным знаменем в руках за коммунизм, за Ленина и Сталина, за Москву — нашу родину [Ватанабэ: 302].

На наш завод вместо советских солдат приехали демократы и пропагандировали коммунизм. *Религия — это пустое, мы — материалисты... Наука не может покончить со страхом смерти. Религия хорошо это объясняет. — Наверное, он хочет стать коммунистом и получить легкую работу. — Мы и так хорошо работаем, но он служит СССР* [Ватанабэ: 308].

Никто не занимается политическим воспитанием. «Нихон синбун» и брошюры забросили. После работы играли в мажонг, го и сёги. Еще играли в азартные игры. Конечно, все игры были самодельные. Понятно, что противостоять советским солдатам или ругать их непродуктивно. Поэтому я не жаловался и каждый день играл на гитаре [Ооути: 140].

Все потеряли интерес к демократическому движению, а активисты тайно задумали его возобновить. В январе А. из Главного управления полетел в Хабаровск для участия в собрании представителей активов разных лагерей. Он повез письмо Сталину с просьбой ускорить репатриацию. В это время стали меньше ругать Советский Союз и снова читать «Нихон синбун». После возвращения А. снова открыли политическую школу и создали новый актив, молодежный актив возобновил свою работу. Пока мы были в Советском Союзе, мы не могли противостоять им. Потому что боялись, что нам не дадут вернуться по политическим причинам [Ооути: 142].

К. Сато комментирует свою работу «Оскорбление» (рис. 33):

Когда прошла вторая зима в Сибири, офицеры вышли из движения интеллигенции, и началась «оргия» коммунистов. Политическое просвещение усилилось осенью второго года, и коммунисты, которые контролируют в Находке процесс репатриации, угрожали не пропускать в Японию контрэлементы и нескольких пленных отправили назад [Сато: 45].

Предыдущие комментарии художников описывают, как демократическое движение и противодействие ему развивались с переменным успехом, но сила была на стороне тех, кого поддерживали лагерные власти и управление ГУПВИ. Документы, которые написаны самими активистами, отличаются по языку от комментариев на ту же тему. Они лишены личных чувств, но изобилуют политико-идеологическими штампами тех лет:

Мы серьезно обсуждаем, что возвращаемся из Сибири солдатами, вооруженными твердой теорией, как передовики в строительстве рабочей Японии. Мы поднимаемся на жестокую борьбу после нашего прибытия на остров императора [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 162. Л. 30].

Культурная работа. Культурно-воспитательная часть обычно занималась выпуском пропагандистских стенгазет, организацией хора, оркестра, театральных постановок. Артисты и художники иногда освобождались от других работ, получали лучшее питание и в редких случаях даже скромные премии.

Каждый вечер у нас была репетиция революционных песен и агитационных выступлений. Я пел песню, но в душе считал, что я — очень маленькое существо на земном шаре, я наношу вред японской революции, хотя и маленький [Ватанабэ: 337].

Активист говорит: ты все еще не можешь выучить такую простую вещь. Многие из них похожи на бюрократов. Как будто только они могут изменить Японию. Наконец, мне разрешили вступить в общество активной молодежи. Меня считали полуреакционером. После того как я вступил, мне дали много работы, например,

рисовать стенгазету. Меня включили в бригаду по культурному строительству. Там работали десять человек, но кукольное представление мне надо делать самому. Я написал сценарий, соорудил куклы и поставил спектакль. Еще дал уличное представление [Ооути: 151].

В Охе собрали крайне реакционных людей, чтобы превратить в сознательных. Их было 30. Они критиковали и разоблачали друг друга, чтобы выйти скорее из этой группы [Ооути: 151].

В советские праздники мы покупали немного выпивки и съедали специально приготовленный обед, пели народные песни и танцевали. В конце опять критиковали реакционеров и выкрикивали лозунги. После ужина все ходили в разные кружки, и до 9 вечера проводились политические занятия. С утра и до ночи некогда думать. Стали показывать звуковое кино и спектакли политического содержания [Ооути: 116].

В Находке объяснили, как конкретно надо вести себя после возвращения в Японию. Ни в коем случае нельзя поддаваться влиянию буржуазных врагов, которые будут изображать радость. Прежде всего, надо явиться в главное управление КПЯ в Йойоги. Нас научили революционным танцам и песням: «мы — рабочие и крестьяне, слушайте нашу громкую песню. Мы растопчем всех врагов, императорскую власть, буржуазию и их верных собак». В Находке нам давали хорошую вкусную еду [Ооути: 178].

Спектакли и концерты, которые организовывали в качестве воспитательной работы, были нужны не только пленным, но и начальству. Подобных артистов в ГУЛАГе Е. Гинзбург называла крепостным театром, поставляющим зрелища начальству, скучающему в глуши [Гинзбург: 326], но они выступали не только для развлечения начальства или для выполнения плана по идеологической работе. В лагерных условиях у тех, кто умел петь и танцевать, было немного возможностей для самовыражения, а слушать концерт земляков было существенно приятнее, чем политинформацию. Но практически все культурные формы досуга были неотделимы от политической работы.

И спектакль, и концерт

Тесно связаны с социализмом.

Такой сценарий [Нисимура 2004 а: 7].

Все без исключения ансамбли, кроме народных японских песен, должны были исполнять гимн Советского Союза на японском языке, японскую песню «Красное знамя» и революционные песни [Японские военнопленные в СССР: 274].

После ужина было собрание. Сначала агитационный доклад, потом репетиция революционных песен. Мне дали тяжелую работу, и у меня было плохое настроение. Но не только из-за этого я был против. Я не могу согласиться с людьми, которые друг на друга доносят ради своей выгоды. Они абсолютно верят чужому советскому мнению, и получается карнавал. Я был на собрании, но не пел революционных песен. Потом начались агитационные доклады. Распевая революционные песни и выкрикивая лозунги, они встали плотно в круг, сцепившись руками. Потом ходили по лагерю с плакатами. Советские офицеры только смотрели с улыбкой. И я не мог понять, о чем они думают. *Слова из рабочей песни. Голоса: Я не разделяю это. — Практически карнавал, для чего это нужно?* [Ваганабэ: 317].

Пленным с независимыми взглядами не хотелось встраиваться в «тело» социума, как это делала большая часть активистов, утрачивая личные интересы и ценно-

сти и соревнуясь за лучшее воплощение нормативной коллективной субъектности, одобряемой лагерной администрацией.

Многие понимали, что становиться активистом — значит, иметь льготы, но при этом терять уважение товарищей. Ё. Ватанабэ приводит примеры того, как портятся человеческие отношения, когда одна идеология признается единственно верной и инакомыслие наказывается тяжелой работой, бойкотом и даже угрозой остаться в СССР.

Во время войны члены японской компартии бежали в Маньчжурию из-за гонений на коммунистов. Часть из них оказалась в плену в Сибири. Они занимались политическим образованием молодых солдат. В Находке — их последние усилия. Нам сказали, что в Японии голод или революция. Японские пленные ничего не понимают, но им кажется, что скоро *домой*. Они поют революционные песни, как на карнавале. Они все очень долго учили революционные песни. Большинство из них знают только песню «Красное знамя, народное знамя» [Ватанабэ: 346].

Как было отмечено выше, среди репатриированных первой очереди были пленные, которые увлеклись коммунистической идеей и уезжали с планами бороться за Японию, свободную от империалистов. Международный резонанс получила встреча одного из первых пароходов с пленными в Майдзуру.

Во время встречи прибывшего из Сибири парохода с военнопленными присутствующих неприятно поразило то, что прибывшие выстроились на палубе парохода «Эйтоку Мару», пели «Интернационал» и выкрикивали коммунистические лозунги. Корреспондент агентства Киодо Ньюс назвал это пение «пощечиной встречавшим» [Лента 314 от 30.06.49. ГАКХ Ф. 1036. Оп. 1. Д. 461, цит. по: Кузьмина: 89].

Однако далеко не все, кто выступал с демократическими речами в СССР, прибыв на родину, остались верны заветам Ленина. Для многих эта стратегия была инструментом выживания, ускоряющим возвращение домой. Эти люди уже на пароходе начинали вести себя иначе, чем в лагере, тем более что многих активистов на кораблях избивали, а некоторые исчезли [Касатонова: 96]. Но кто-то все-таки по возвращении на родину добирался в штаб коммунистов в Йойоги.

Когда мы, прогоняя мысли о возвращении на родину, сошли с поезда в Хабаровске, нам неожиданно открылся весь ужас нашего положения. Явились грозные молодчики, назвали себя членами японской коммунистической партии и принялись агитировать за нее. Бывают же странные люди! [Киути: сайт].

2. «Нихон синбун» и АГИТАЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Согласно решению ЦК ВКП(б) советская газета для японских военнопленных «Нихон синбун»¹⁴ (Японская газета) стала выходить с 1.09.45 г. Редакционная коллегия состояла из 50 японцев и 15 русских сотрудников. Ее главным редактором был подполковник И.И. Коваленко, с японской стороны шефом был Масаки Асахара [John J. Stephan: 247]. Газета выходила 10 раз в месяц, из расчета один экземпляр на 8 военнопленных [Главное: 690], общий тираж составлял 150 тыс. экз. Из Хабаровска тираж газеты распространялся по всем лагерям, в которых содержались

14 В источниках также встречается написание Ниппон синбун, Ниппон Синбун и Ниппон Симбун.

японские военнопленные. Для 600 тыс. военнопленных она была органом идеологической пропаганды. Согласно заветам В.И. Ленина, газета должна была быть не только коллективным пропагандистом, но также и коллективным организатором. Именно вокруг газеты сложился первый кружок равнодушных читателей «То-монокай» (друзья газеты), ставший организованной ячейкой военнопленных. Как писал руководитель демократического движения в одном из лагерей Хабаровского края Хираида, в каждом лагерном отделении мы имеем витрины для газеты «Ниппон синбун» и подшивки, выделены агитаторы, которые во время досуга читают и разьясняют отдельные статьи [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 28 об.].

«Нихон синбун» выходила по-японски и была практически единственным изданием на родном для пленных языке. Как заметил С.В. Карасев, даже не желая поддаваться идеологическому воздействию, пленные читали тексты на родном языке и незаметно для самих себя попадали под воздействие пропаганды [Карасев 2007: 37].

В постлагерном рисунке мы встречаем много критики и иронии по поводу содержания газеты. Рассмотрим карту «Ри» (рис. 34): Газета «Нихон синбун», в которой любят пустые рассуждения [Уэцухара Ри (1)]. На этом рисунке Ё. Уэцухара изобразил три фигуры. Все они — обитатели лагеря, но имеют разный социальный статус. Самое высокое положение — у советского офицера. Это очевидно, он экипирован лучше всех: и кожаные сапоги, и кожаный ремень. Гимнастерка обтягивает широкую грудь человека, который физически хорошо развит и регулярно занимается спортом. Он стоит в помещении, о чем говорит деревянный пол, но в то же время — в фуражке, хотя и не холодно, раз он не одет в шинель. Его простоватое лицо не отражает глубоких мыслей. На гимнастерке нет ни одной медали,

значит, он не был на фронте, а провел все годы в тылу на политической работе или в конвойных частях. Возможно, он просто очень молод. В центре изображен активист демократического движения. Он громко читает «Нихон синбун», о чем говорит вертикальный порядок строчек. Он хорошо выглядит, крупный, упитанный. Его большой рот открыт, но нижние губы кривятся, они совсем не растянуты, как будто размеры рта его еще больше и, когда понадобится, он сможет в большей степени быть рупором этой газеты. Однако мы не видим заинтересованной аудитории. Для кого читают эту газеты? Свое отношение автор показывает через третью фигуру, которая сидит к ним спиной, спрятавшись за колонной. Ему не интересно, что читают, и он не боится показывать свое пренебрежение. Известно, что японская культура не жалуется бунтарей и одиночек [Мещеряков 2013: 163], но на этом рисунке мы видим бунтаря.

Карту «Тэ» (2) Уэцухара подписал «Дым табака и Нихон синбун». Автор подчеркивает прикладную ценность газеты как материала для самокрутки, так как содержание самой газеты для курильщика значения не имеет, важна только бумага,

на которой она напечатана. Бумага может быть полезной в отличие от информации, которую несет газета. Дым и газета ставятся в один ряд. Художник подчеркивает эфемерность дыма, в который превращается газетная бумага через пару минут после затяжки, и сиюминутность содержания газеты, которое не через пару минут, но в свой срок так же неумолимо превратится в ничто.

По воспоминаниям жителей Дальнего Востока, когда японские пленные обещали, «один из них, стоя, вслух для всех читал газету на японском языке, которую в это время издавали в Хабаровске. Как закон Божий!» [«Молодой дальневосточник», 02.03.91, цит. по: Кузьмина: 85]. Отношение к газете все же было скептическим.

Вокруг газеты: есть ли новости о жизни в Японии? — Эта газета издается военнопленными в Хабаровске. — Чепуха. Я не хочу смотреть красные газеты [Такэути: 92].

Мы организовали общество друзей: 20–30 человек. Его членам давали «Нихон синбун» раз в неделю. Все хотели бумагу для махорки, но боялись вступить в общество, опасаясь, что, когда вернутся домой, их могут называть коммунистами [Ооути: 96].

Начинается политическое воспитание на основе «Нихон синбун». Иногда бывали экзамены. Еще не старый человек жаловался, что после окончания начальной школы он за 30 лет не прочел ни одной книги и даже забыл иероглифы из-за работы в плену [Ооути: 116].

В номере № 31 «Ниппон синбун» от 13 марта 1947 г. было помещено объявление о репатриации японских военнопленных и интернированных, которую все давно ожидали. Поднималось доверие масс к «Ниппон Синбун» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 73].

Агитационная фотография. Руководство ГУПВИ понимало значение фотографии как важнейшего средства агитации, ведь фотография, в том числе постановочная, часто воспринимается не критически, а как законченный документ. Фотографический снимок делается в один миг; такая «моментальность» съемки зачастую воспринимается как спонтанность, и зритель забывает о процессуальности съемочного процесса, как не задумывается о мотивах фотографа.

Агитационная фотография также мыслилась как свидетельство против возможных обвинений в будущем. Руководители социалистического общества как общества спектакля (Ги Дебор) ставили такие постановки, в которых не просто насильно удерживали сотни тысяч людей, заставляя их работать в трудных условиях, но еще и требовали благодарственных писем. При этом только эксплуатировать сотни тысяч заключенных и пленных было мало, надо было еще и расставлять декорации — писать на воротах, что *труд — дело доблести и чести*, приглашать зрителей — например, писателей, на Соловки или Беломорканал. В лагере для военнопленных, как и по всей стране, изображение было и производством, «чем больше его изображается, тем больше его и производится» [Добренко: 373].

Фотографии передовиков труда на Доске почета, лагерного актива в газете «Нихон синбун» — эти визуальные свидетельства говорят нам не только о том, как велась политическая работа в лагере, но и о том, как выглядели пленные, во что они были одеты и в каких условиях жили.

Когда мы видим в той или иной степени приукрашенную реальность, понимаем, что в жизни все было скромнее и скуднее. Человек обычно доверяет тому, что запечатлено на фотографии, верит тому, что все, схваченное фотографией, было на самом деле. Говоря словами Сьюзен Зонтаг, «фотография становится свидетель-

ством реальности, ее уликой» [Зонтаг: 9]. Именно дискурсивная потребность «документировать» реальность отдает приоритет наличию визуального «свидетельства» и зачастую отодвигает на второй план личность и задачи фотографа [Першай: 2012].

Личность фотографа в данной ситуации не является нейтральной, а наоборот, представляет власть и как таковая определяет задачу: показать, как хорошо японским пленным было в советском лагере, особенно тем, кто воспринял коммунистические идеи.

В то же время фотография конструирует реальность. В лагере фотография как орудие власти предлагала и множила те образы социалистической повседневности, которые власть считала единственно верными, насколько возможно ретушируя действительность. Лагерная фотография была манипулированием: получая общий сигнал из «Кремля», лагерное руководство создавало такие образы плена, которые должны были понравиться «на самом верху». «Нихон синбун» распространяла взгляд власти на все дальние лагерные командировки.

Как мы видели в предыдущем параграфе, во всех лагерях для военнопленных японцев регулярно проводились политзанятия, на которых излагались политическая теория ВКП(б) и анализ международного положения. Эти тексты распространяла на японском языке «Нихон синбун». Сами послания передовых статей и политинформаций показаны в литературе о тоталитарном обществе разными, ставшими классическими символами — от «пятиминуток ненависти» (Дж. Оруэлл) до отвратительной на вкус и запах, но обязательной к потреблению «нормы» (В. Сорокин).

Кроме «Нихон синбун» в качестве агитационного материала были изданы несколько выпусков журналов, в которых было много фотографий о «прекрасной» жизни японцев в СССР. В основном это фотографии читального зала, где пленные с упоением изучают труды Маркса и Ленина, или красный уголок, где они рисуют стенгазету или пишут благодарственное письмо Сталину.

На этой официальной фотографии мы видим красный уголок (рис. 35). Перед нами действительно сцена, и пленные играют читателей... Они все уткнулись в книги, отводят взгляд от объектива, потому что боятся его, они подчиняются человеку с фотоаппаратом, а также чувствуют стыд из-за участия в ложной постановке.

Потребители пропагандистского зрелища также являются соучастниками коллективного процесса рассматривания. Даже фотографии людей, как например, портреты передовиков производства, размещенные на Доске почета, уже прочитываются как сообщения в более широком культурном и идеологическом контексте.

Роль архивной фотографии как инструмента актуализации истории пронизательно подметил Алексей Шинкаренко. Процесс актуализации происходит за счет работы с понятиями, разрывающими рамки времени, — боль, страх, катастрофа. И

когда человек включается в осознание и переживание этих явлений, он переводит условно прошлое в условно будущее, — и фактически создает свои версии истории [Шинкаренко: сайт].

На фотографии 36 также сцена, которая как бы висит в воздухе. Точнее, мы видим двойную сцену. Один из транспарантов гласит: «Да здравствует СССР — страна, не знающая расизма». Утверждать, что в СССР совсем не было расизма, было большим преувеличением. За скобками для японских военнопленных, как и для большинства граждан СССР, в то время оставался вопрос о депортированных народах, о внесудебном идеологическом обвинении людей на основе принадлежности к этнической группе. Возможно, японцы не видели расизма в публичном пространстве в той мере, в какой ожидали встретить расовое высокомерие от белых победителей. Однако бытовой расизм не был чужд и советским людям, включая некоторых сотрудников советского посольства в Токио 1960-х гг., называвших японцев «косоглазыми» [Комаровский: 27], но все же ему было далеко до платформы расового неравенства в крайних вариантах. Вновь убеждаемся в постановочности официальной фотографии, обслуживающей власть.¹⁵

Фальшь подобных сфабрикованных изданий возмущала бывших военнопленных. Например, Киёси Сато спустя годы решил рисовать только те сцены из лагерной жизни, которые не встречались в агитационных изданиях: изображения каторжного труда и нечеловечески унижительного быта, в котором важно было оставаться человеком [ПМА. Интервью с К. Сато].

15 Такие же лакирующие реальность фотографии были сделаны с немецкими военнопленными. На них немецкие военнопленные, довольные жизнью, занимаются работой, уборкой лагеря, играют в шахматы после трудового дня или рисуют стенгазету [Сквозь плен]. На этих фотографиях плен напоминает жизнь в пионерском лагере, в котором роль детей играют взрослые. Вот они в белых майках и черных трусах делают утреннюю зарядку в июле 1942 г. в лагере № 74 в Горьковской области [Сквозь плен 59] Или же фотография запечатлела дружескую вечеринку немецких пленных офицеров в январе 1942 г. [Сквозь плен 62], любителей музыки, собравшихся в клубе у пианино, в лагере № 9 в Елабуге, ноябрь 1942 г., или играющих в кегли в лагере № 160 в Суздали осенью 1942 г.

